

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-308-334

EDN: OFWXRV

Воинская иррегулярность и проблема социального порядка в свете «Теории партизана» Карла Шмитта: между политическим и криминальным*

В.И. Бродский

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
просп. Вернадского 82, 119571, Россия

Московская высшая школа социальных и экономических наук,
Газетный пер., 3/5, стр. 1, Москва, 125009, Россия

(e-mail: brodskiy-vi@ranepa.ru)

Аннотация. Последние десятилетия ознаменовались распространением воинской иррегулярности в условиях международных и внутренних конфликтов. Наиболее востребованной теоретической рамкой, позволяющей осмыслить природу и деятельность иррегулярных формирований, остается опубликованная в 1963 году «Теория партизана» Карла Шмитта. Автор актуализирует предложенные Шмиттом критерии принадлежности к партизанству и рассматривает воинскую иррегулярность как особый социальный феномен вне поддерживаемого государственными институтами социального порядка, потенциально угрожающий ему, несмотря на изначальное совпадение интересов. За криминализацией иррегулярного бойца, осуществляемой оккупантом в условиях международного конфликта, может следовать повторная криминализация со стороны порядка, восстановление которого он приближал. «Теория партизана» подразумевает подобное рассмотрение, но в должной мере его не раскрывает. В статье отмечена обратная зависимость внутренней политизации иррегулярного формирования по отношению к его внешней криминализации: оккупационный порядок игнорирует политические мотивы партизана, фокусируясь на используемых им криминальных методах вооруженной борьбы, и рассматривает его лишь как злостного нарушителя спокойствия, обезвреживание которого требует полицейских операций. С другой стороны, вчерашний герой может быть объявлен преступником той регулярностью, что ранее оказывала ему поддержку, если конвертирует высокую интенсивность своей политической вовлеченности в резкие требования в ее адрес. Хотя для партизана подобные инициативы станут продолжением борьбы на политическом фронте, они рискуют быть расценены как прямая угроза социальному порядку и потому подвергнуты уголовному преследованию. Соответственно, поощрение иррегулярной борьбы — эффективное средство борьбы с внешней агрессией в краткосрочной перспективе, но взрывоопасная, угрожающая социальному порядку мера в долгосрочной. Автор делает вывод о неразличимости политического и криминального в условиях полноценного гражданского конфликта, возникающей на фоне взаимной кри-

---

*© Бродский В.И., 2024

Статья поступила в редакцию 17.12.2023 г. Статья принята к публикации 25.04.2024 г.

минализации его участников и политизации используемых ими криминальных средств насилия, и приводит ряд исторических примеров криминально-политической амбивалентности иррегулярных формирований.

Ключевые слова: Карл Шмитт; «Теория партизана»; партизан; корсар; политическое; криминальное; иррегулярность; социальный порядок

Во вражде незаконно сделанное ищет своего права.
Карл Шмитт

«Откуда происходят все бедствия в мире?» —
спросил себя Вагнер.

От «старых договоров» — ответил он, подобно
всем идеологам революции.

Фридрих Ницше

Немецкий философ и социолог Карл Шмитт известен как автор одной из самых значимых попыток проведения границы между политическим и прочими областями человеческого существования. Шмиттовское понимание политического как сферы различения коллективного друга и врага (врага отличает от экономического конкурента или культурного антагониста принципиальная готовность убивать и умирать в борьбе с ним) остается востребованным в рамках новейших исследований [25. С. 305–308]. Знаменитое рассуждение о возможности взаимного причинения смерти как о критерии, отделяющем политическое от экономического, этического и эстетического [25. С. 301–302, 312–314] обращает на себя столь пристальное внимание, что в его тени рискует остаться другое не менее важное интеллектуальное открытие Шмитта — граница между политическим и криминальным, обладающая огромным значением для социальной науки.

Проблему различения политического и криминального (врага и преступника) Шмитт осмысляет в нескольких контекстах. Один из них представлен в работе «Номос Земли» [24], посвященной парадигмальным трансформациям во взаимодействии субъектов международной политики с регулярными армиями. Шмитт заостряет внимание на тенденции к криминализации вражеских политических режимов: военные действия все чаще принимают характер полицейских операций, цель которых — ликвидация возмутителя спокойствия [24. С. 474–475]. Криминализация политического оппонента может служить источником легитимации войны на уничтожение современными морскими и воздушными средствами [24. С. 468, 473]. Данная аргументация привлекает внимание многих исследователей, справедливо указывающих, что теоретические положения Шмитта предвосхитили характер целого ряда современных конфликтов (1). Однако проблема исчезновения границы между политическим и криминальным на мировом уровне относится к предметным областям

философии войны и теории международных отношений, вследствие чего будет оставлена за рамками данной статьи.

Второй контекст шмиттовского исследования границы между политическим и криминальным напрямую связан с проблематикой социального порядка и более интересен для социального ученого — это исследование феномена иррегулярных воинских формирований в «Теории партизана» [26]. Ее главный герой — автохтонный партизан, стремящийся подорвать оккупационный порядок, установить и поддержать который пытается интервент на занятых территориях. Криминализация партизана, осуществляемая оккупантом, — хорошо известный факт [26. С. 50, 56]. В статье партизанское движение рассматривается как потенциально проблематичное для социального порядка, поддерживаемого институтами государственной власти, в интересах которой партизан действует на оккупированных территориях. Интенсивная политическая вовлеченность партизана способствует решению важнейших боевых задач и приближает победу над внешним врагом, что является основанием для его героизации. Вместе с тем эта же сущностно важная характеристика партизанского движения способна стать причиной резких политических требований, быть воспринята как угроза социальному порядку и встречена повторной криминализацией. Иными словами, за строгим определением партизана в «Теории партизана» скрывается «хамелеон» [30. С. 12], чья иррегулярность может быть интерпретирована и как маркер героического риска, и как угроза государственной безопасности — в зависимости от колебаний партизанской активности [30; 38].

Несмотря на то, что основная линия «Теории партизана» — рассмотрение автохтонного партизана, борющегося с внешним агрессором, произведение содержит и ряд положений, имеющих отношение к партизану повстанческого типа, борющегося с политическим режимом, — революционеру или борцу за независимость [26. С. 114–117]. Речь может идти и о «мерцающем» характере границы между политическим и криминальным в условиях начальной фазы гражданской войны [4. С. 162–163], т.е. о неразличимости политического и криминального в условиях гражданского конфликта. Генезис подобной ситуации связан с политизацией используемых в рамках гражданского конфликта средств насилия и взаимной, обоюдной криминализацией участников противостояния. В данной статье вопрос об изменчивом (балансирующем между политическим и криминальным) статусе иррегулярного бойца помещается в фундаментальный теоретический контекст, заданный краеугольным камнем социальной науки — проблемой социального порядка (2). В современной науке «Гоббсова проблема» — вопрос не только о происхождении (3), но и о поддержании социального порядка, его защите от внешних и внутренних угроз, одной из которых и является воинская иррегулярность.

В первой части статьи представлена обновленная реконструкция четырех сущностных критериев принадлежности к партизанству, сформулирован-

ных Шмиттом. Опираясь на работу Т.А. Дмитриева [9], автор актуализирует определенные Шмиттом характеристики в свете релевантных геополитических и технологических изменений, связывая их с проблемой социального порядка. Во второй части исследуется граница между политическим и криминальным, проходящая по линии отношения иррегулярного соединения к действующей или проектируемой регулярности. В третьей части приведены несколько исторических примеров, воплощающих описанные Шмиттом сценарии судьбы иррегулярных формирований, различие между которыми зависит от политической воли государства и их готовности интегрироваться в действующий социальный порядок.

Итак, в «Теории партизана» обозначены четыре сущностные характеристики изучаемого феномена — иррегулярность, повышенная мобильность, интенсивность политической вовлеченности и теллурический характер [26. С. 38]. Хотя эти критерии обобщают опыт, кажущийся архаичным на фоне реалий современной войны (4), шмиттовское учение о партизанах остается надежным инструментом социальной науки. Во-первых, шмиттовский партизан представляет собой «концептуальную модель», на полное соответствие которой вряд ли может претендовать какая-либо современная иррегулярная сила [38. С. 346]. Вероятно, Шмитт предлагает читателю теоретическую конструкцию, способную выступить в роли отправной точки анализа любого социального феномена, связанного с военизированной иррегулярностью (5). Во-вторых, Шмитт признавал, что сформулированные им критерии — не «окончательное решение необъятной проблемы партизана», а ее «предварительный исток», и потому открыты для корректив [22. С. 148–149]. Многие факторы (и основной — влияние технического прогресса) обуславливают серьезные преобразования партизанской борьбы и требуют актуализации введенных Шмиттом критериев.

Четыре критерия принадлежности к партизанству в исторической перспективе

Первую строку в шмиттовском списке критериев занимает иррегулярность. Он развернуто описывает различные проявления иррегулярности, но ни в «Теории партизана», ни в беседе по ее мотивам мы не встречаем четкого определения данного понятия. Г. Сломп справедливо замечает, что понятие «иррегулярность» обретает смысл и значение только на контрасте с институтом регулярных армий [39. С. 506]. В «Теории партизана» мы действительно сталкиваемся с целой серией противопоставлений воинской регулярности и иррегулярности [26. С. 26, 42, 59–60]. Вместе с тем необходимо обратить внимание на то, о каком значении регулярности рассуждает Шмитт: особенности использования понятия в ряде контекстов «Теории партизана» говорят в пользу того, что его содержание не сводится исключительно к ми-

литарному аспекту и требует более широкого осмысления, с привлечением категории социального порядка.

Отсутствие формы и знаков отличия, диверсионные методы вооруженной борьбы и прочие проявления партизанской иррегулярности следует противопоставлять соответствующим антиподам, присущим армейской регулярности. Все это — следствие того, что «легальность является неотразимым функциональным модусом всякой современной государственной армии» [26. С. 130], поэтому смыслообразующей характеристикой иррегулярности становится нелегальность, пребывание вне системы правового порядка. Текущую иррегулярность гражданского конфликта легитимизирует стремление к «осуществлению новой регулярности собственными силами» [26. С. 117], и речь идет не столько о будущей трансформации партизанского движения в регулярные войска, сколько о построении нового порядка на пепелище старого (первый — следствие второго). «Тот, кто берется определять, кто является врагом, притязает на собственную, новую легальность» [26. С. 117], на фоне чего объявляющий действующий политический режим вражеским партизан-революционер становится носителем проекта нового порядка, который стремится распространить на социум в целом. Стремление к освобождению контролируемой врагом территории путем вооруженной борьбы для установления на ней своего порядка делает революционера политической фигурой в собственных глазах. «Порядок есть телос политического» [12. С. 126], и в этом смысле регулярность — целевая причина политической борьбы партизана-революционера или борца за независимость.

Уточненное понимание регулярности способствует прояснению феномена иррегулярности. Шмитт фиксирует пребывание партизана вне легальности, и это правовая проблема на уровне социальной онтологии. «Ключевые понятия современности являются понятиями порядка: “государство”, “право”, “конституция”, “суверенитет” и даже “политика” содержательно, на уровне семантики, и структурно, как определенный тип дискурса, несут в себе аспект упорядоченного социального действия» [12. С. 126], и используемый Шмиттом концепт легальности органично встраивается в данный список. Иррегулярный боец — фигура, сознательно ставящая себя вне порядка, поэтому он делит рассматриваемую характеристику с пиратом или бандитом (7). Преступник пренебрегает нормами и требованиями действующего порядка, ориентируясь лишь на свой собственный. Весь боевой путь иррегулярного бойца представляет собой аналогичное самоисключение: такой боец повстанческого типа занимает это положение, стремясь уничтожить социальный порядок, представляющийся ему несправедливым; автохтонный партизан, борющийся с интервентом, — преследуя цель подорвать порядок, который пытаются установить оккупационные власти (8). Партизан при этом пребывает и вне порядка, действующего на его родине, борющейся с внешним агрессором: отряд формируется в обход установ-

ленных мобилизационных процедур, его внутренняя иерархия не вписана в строгую систему воинских званий, на его бойцов не распространяются формальные правила, действующие в отношении солдат и офицеров регулярных сил. Именно поэтому партизан использует методы и средства, недоступные для солдат регулярной армии, пренебрегает ношением формы и использованием знаков различия.

Борящаяся с интервентом регулярность способна повысить шансы на успех в борьбе с внешним врагом, оказывая поддержку самоорганизующемуся партизанскому движению. Однако тем самым она возвращает нечто, не поддающееся прямому контролю, при помощи средств, эффективно действующих в отношении элементов порядка (9), т.е. регулярность создает риски, актуальные как для будущего мирного времени, так и для периода боевых действий (например, если партизан продолжает вооруженную борьбу на фоне инициатив регулярности по переходу к мирному урегулированию). Риски при этом обоюдны: в связи с отсутствием гарантий, на которые могут рассчитывать бойцы регулярных армий, автохтонный партизан должен быть готов не только к столкновению с жестокими репрессиями со стороны оккупанта, но и с любой реакцией со стороны регулярности, в интересах которой он воюет, поскольку у последней нет перед ним никаких формальных обязательств, аналогичных обязательствам перед солдатами и офицерами, действующих в легальном поле.

Второй критерий — повышенная мобильность — едва ли требует развернутых комментариев. Это еще одна характеристика, которую иррегулярный боец делит с преступником. Партизанские отряды способны быстро менять место дислокации и проводить молниеносные вылазки. В этом отношении партизан неотличим от налетчика, действующего в виде малочисленной мобильной группы и мгновенно растворяющегося среди рядовых граждан. Пространство партизанской активности может быть чрезвычайно широким в связи с высокой скоростью перемещений и отсутствием точек постоянного расположения. Шмитт делает акцент на моторизации — причине высокой мобильности иррегулярных соединений, отмечая возможность структурной трансформации партизанских движений на фоне все большего усиления данной тенденции.

Третий критерий — интенсивность политической вовлеченности партизана: он целиком и полностью отдает себя вооруженной борьбе, зашагивая в смерть значительно дальше и охотнее в сравнении с бойцом регулярной армии [5. С. 94]. Партизаном движет «личное, экзистенциально окрашенное неприятие факта оккупации родной страны» [9. С. 205] (11), а не процедурная механика действующего порядка. Столь мощная мотивация и преданность общему делу борьбы с врагом делают партизанское движение монолитным политическим единством, крепость социальных связей внутри которого немислима для «современного либерального государства» [39. С. 505] и не толь-

ко либерального (12). Самостоятельное решение о противостоянии врагу наделяет автохтонное партизанское движение параллельной по отношению к действующей регулярности политической субъектностью. Обстоятельства внешней агрессии могут подталкивать регулярность к поощрению партизанской активности, но обратной стороной подобной стратегии оказывается появление «актора, угрожающего монополии государства на политическое» [39. С. 505] и отличающегося несоизмеримо более высокой степенью социальной сплоченности.

Четвертый критерий — теллурический характер партизанской активности: шмиттовский партизан — плоть от плоти родины, использующий знание ее географических особенностей и специфики локальной инфраструктуры. Он легко смешивается с гражданским населением, затрудняя преследование. Автохтонность и стремление «защищать дом, очаг и родину от чужого захватчика» [26. С. 48] наделяют партизана оборонительной природой, которая лишь на первый взгляд соответствует интересам регулярности. С учетом повышенной интенсивности политической вовлеченности и тотальной погруженности во вражду с интервентом партизан может враждебно относиться к любым мирным инициативам со стороны регулярности, усмотрев в них предательское отступничество. На фоне отступлений или локальных поражений регулярных войск партизан, сохраняя свою оборонительную природу, может занять (и сделать публичной) политическую позицию, согласно которой действующая регулярность защищает родину недостаточно рьяно или компетентно. «Эвристически различение друга и врага — эффективный, хотя и небезопасный способ проверки наличия самого социального порядка» [11. С. 20]. Эвентуальное различение друга и врага в опыте борьбы с внешней силой — самая серьезная проверка порядка на прочность. Любая, даже дискурсивная конфронтация с параллельно борющейся иррегулярностью способна стать для порядка серьезнейшим дестабилизирующим вызовом в и без того экстремальных условиях вооруженного конфликта.

Другая интересующая Шмитта фигура — революционер-интернационалист — жертвует оборонительным характером в пользу глобальных амбиций, в связи с чем «становится манипулируемым орудием всемирно-революционной агрессивности» и «лишается всего, за что он поднимался на борьбу и в чем был укоренен теллурический характер, легитимность его партизанской иррегулярности» [26. С. 115]. Партизан, выступающий в роли локального революционера (или борца за независимость), может объявить действующий политический режим оккупационным (антинародным, марионеточным и т.д.) и сопроводить свою агрессию освободительным пафосом.

Технический аспект может внести коррективы в сочетание черт партизанства, например критерии мобильности и теллурического характера сталкиваются друг с другом: последний создает пространственные ограничения, сдерживающие возможности первого [38. С. 346]. Успешность сдерживания

зависит от развития средств мобильности — значительный технологический скачок способен ослабить теллурический критерий или наполнить его новым содержанием: «В той мере, в какой партизан моторизируется, он утрачивает почву, и растет его зависимость от индустриально-технических средств, в которых он нуждается для своей борьбы... Все аспекты, в которых мы до сих пор рассматривали сегодняшнее партизанство, как будто бы тем самым растворяются во всепобеждающем техническом аспекте» [26. С. 117]. В «Теории партизана» Шмитт использует понятие «сухопутного корсара», но подчеркивает, что партизан не может быть отождествлен с ним, будучи крепко связан с родной землей и стихией суши в целом (13). Вместе с тем широкое применение морских и воздушных средств ведения войны (уничтожая институт сухопутной оккупации и определяя самообилизацию автохтонного партизана) в сочетании со стремительным технологическим развитием средств мобильности и переносом геополитической борьбы сверхдержав в порой неожиданные, далекие от их границ локации (Африка, Ближний Восток (14)), превращают воюющего в интересах родины партизана XXI века в глобальную фигуру (15), открытую описанию и осмыслению при помощи категории «сухопутного корсара», ранее использовавшейся Шмиттом лишь в инструментальных, уточняющих целях.

«Война пронизывает всю социальную ткань современного мира. Она часто являет себя в качестве знакомого конфликта между политическими образованиями — как классическими, так и современными, не обязательно являющимися государствами. Различные движения, организации и вооруженные группировки способны вести длительные и полномасштабные боевые действия как друг против друга, так и против международно-признанных государств» [29. С. 8]. В результате иррегулярные силы все реже соответствуют автохтонному типу партизана, описанному в «Теории партизана», но сохраняют связь со шмиттовским произведением, воплощая предвосхищенные им тенденции ослабления теллурической привязки на фоне стремительного развития средств мобильности. По мере расширения сферы применения средств, ассоциирующихся с воинской иррегулярностью, более широким и гибким становится и само понятие «партизан»: «Как традиционные государства, так и формы не-суверенной военно-политической организации концептуализируются как партизаны в контексте глобальной внутрисоциальной гражданской войны» [34. С. 284]. Общей характеристикой автохтонного партизана и «сухопутного корсара» XXI века (и прочих схожих фигур) остается иррегулярность — пребывание вне систем норм и процедур, предполагаемых конвенциональными социальными порядками. Более того, Шмитта, осознающего возможные будущие трансформации, партизан интересует, прежде всего, как носитель иррегулярности: «проблема партизана есть проблема отношения регулярной и иррегулярной борьбы» [26. С. 106], т.е. речь идет о черте, создающей «мерцающую» границу между криминальным и политическим.

Мерцающая граница между политическим и криминальным

Исследуя феномен партизанских движений, Шмитт неоднократно обращается к возможности партизана опуститься «в неполитическое» [26. С. 117], раствориться в сфере криминала и бандитизма. Подобная перспектива всегда сопровождает партизанскую активность по причине изначальной близости характеристик партизанства и криминала — грань между партизанской и преступной деятельностью представляется одновременно чрезвычайно важной и невероятно тонкой. Шмитт обращается к аналогии, отмечая сходство (с точки зрения регулярности) различия между пиратом и корсаром (приватиром, капером) [26. С. 108–109], но признает ограниченный потенциал данной параллели вследствие принадлежности партизана и корсара разным стихиям — суши и морю, соответственно. Теллурический характер автохтонного партизана XIX–XX веков не позволяет охарактеризовать его как «сухопутного корсара» — это словосочетание неизбежно упускает такие важные стороны партизанской активности, как маскировка, смешение с гражданским населением, диверсионные методы борьбы, использование особенностей местности. Тем не менее, «тип иррегулярности корсара как-то связан с регулярностью» [26. С. 108], в связи с чем «корсара морской войны и партизана сухопутной войны можно сравнивать» [26. С. 108–109] как фигуры, сохраняющие политический статус, несмотря на реализуемые ими де-факто криминальные практики.

Так, пират — пример абсолютной иррегулярности [26. С. 108]: он ставит себя в положение «врага рода человеческого» [24. С. 43] и чужд любому флагу, кроме черного [24. С. 597]. Корсар обладает связью с регулярностью, так как «снабжен “патентом” государственного правительства» [26. С. 108] (имеет право ходить под флагом своей страны [24. С. 597]), и потому не является морским разбойником. Столь принципиальное противопоставление нередко оборачивается фактической неразличимостью, поскольку корсар, имея пиратские привычки, склонен превышать прописанные в патенте полномочия [24. С. 597], и его судьба открыта противоположным сценариям: «Часто лишь случай решал, закончит ли такой корсар жизнь королевским вельможей, высокопоставленным сановником или приговоренным к повешению пиратом» [24. С. 596–597]. Криминализация корсара — следствие отрыва признания государственной регулярностью, зачастую по независящим от корсара причинам: «собственное правительство хладнокровно жертвовало корсарами, когда они становились неудобными или когда это диктовалось соображениями внешнеполитического порядка» [24. С. 596] (16). С другой стороны, откровенно пиратские, никем и ничем не санкционированные акции могли получить «корсарский» статус постфактум, как в случае сэра Ф. Дрейка [36. С. 181]. Таким образом, одна и та же активность могла быть квалифицирована и как пиратская, и как корсарская, в зависимости от характера связи с регулярностью, определяемого самой регулярностью.

Отметим, что корсар — более легальная фигура, чем партизан: государственный патент включает первого в легальное поле, подчиняет его деятельность системе призового права, в то время как последний — скорее объект легитимации (17), дискурсивного признания и поощрения со стороны регулярности. Партизан может быть прославлен как герой, но при этом остаться юридически несуществующей фигурой; включение корсара в систему правового порядка не гарантирует его полноценную социальную интеграцию. «Регулярное может стать институционализированной профессией, иррегулярное не может» [26. С. 126], и до тех пор, пока даже обладающий государственным патентом корсар не превратится в кадрового морского офицера (что не просто, так как «для хорошего кадрового офицера униформа — нечто большее, чем костюм» [26. С. 126], особая честь и культура, плохо сочетающаяся с криминальным бэкграундом), он останется чуждой порядку фигурой, которую можно использовать как разменную монету во внешнеполитических интригах.

Политический статус партизана также требует связи с существующей или проектируемой регулярностью (18). Теллурический партизан, борющийся с интервентом, воюет в интересах государства, утратившего контроль над оккупированными территориями. При этом своим подходом к ведению вооруженной борьбы партизан едва ли отличается от преступника: оба «нападают из-за угла, выбирая для этого самый подходящий момент с тем, чтобы застать врага врасплох и нанести ему наибольший ущерб», используют такие методы, как «внезапные налеты, диверсии», устраивают акции устрашения [9. С. 209]. Феноменологически деяния автохтонного партизана представляют чистый бандитизм: иррегулярный боец «нападает исподтишка» [26. С. 60], что делает его неотличимым от представителя криминалитета с точки зрения способа решения боевых задач. Вероятно, наиболее ценным партизанским кадром, способным успешно реализовывать «внезапные налеты» и прочие «операции», будет вчерашний налетчик, обладатель криминального опыта. Порядок может использовать силу, ранее угрожавшую ему, в борьбе против внешнего агрессора, политического врага, тем самым обуславливая «мерцание» интересующей нас границы и превращая преступника в эффективный инструмент политического противостояния. Успех подобных диверсий (связанных с колоссальными рисками и способных существенно повлиять на ход конфликта) открывает дорогу к героизации иррегулярного бойца, его превращению в важный политический символ.

С другой стороны, противник воспринимает партизана как преступника, злостного нарушителя спокойствия, бросающего вызов порядку, который он стремится установить или поддерживать [26. С. 43–44, 56]. Оккупант заинтересован в нормализации жизни на занятых территориях, чтобы наладить тыловую работу и эффективно организовывать дальнейшие наступательные операции. Инструментом формирования необходимого оккупанту социального порядка становится система правил (разоружение, комендантский час

и т.д.), саботируемых партизаном для создания хаоса в рядах интервента. Диверсии и акции устрашения сеют панику среди вражеских войск и коллаборационистов (19), делают тыл неотличимым от фронта, вносят разлад в процессы, от которых напрямую зависят тактические и стратегические перспективы военной кампании [26. С. 108]. Тень «нападающего из-за угла» партизана — проекция гоббсовского естественного состояния, источник перманентной экзистенциальной опасности (20), ощущать которую должен каждый комбатант-интервент и местный коллаборационист. Ответом на подобные шаги партизана становятся жесткие полицейские акции, воплощающие принцип «с партизанами борются только партизанским способом» [26. С. 109]. Таким образом, интенсивность политической вовлеченности теллурического партизана (регулярная готовность принять смертельные риски) прямо пропорциональна степени его криминализации оккупационным порядком.

Партизану-революционеру удерживаться в политическом позволяет правило «с расчетом на далекое будущее иррегулярное должно легитимироваться по регулярному» [26. С. 117]: политическая природа движения изначально укоренена в отношении к проектируемой, а не действующей регулярности. Имея в арсенале огромный набор нелегальных средств, иррегулярный боец повстанческого типа стремится уничтожить действующий порядок для установления альтернативного (21). Подобная интенция позволяет ему сохранять политический статус в собственных глазах и потенциально обрести его в глазах третьей силы — внешней регулярности, заинтересованной в обретении политического друга. Третья сторона может предоставлять партизану разные ресурсы, и самым ценным становится политическое признание [26. С. 116], усиливающее легитимность партизана за счет установления связи не только с будущей, но и с нынешней регулярностью.

С точки зрения действующего порядка ни публичные амбиции иррегулярного бойца, ни факт его признания внешними акторами не отменяют его статуса мятежника (22) — не-политического нарушителя покоя. Строгая, объективная граница между политическим и криминальным в этом контексте отсутствует — иррегулярный боец и его возможный внешний покровитель могут определять цели вооруженной борьбы как политические — установление более справедливого социального порядка (что автоматически наделяет соответствующим статусом и бойца), в то время как действующий порядок не может не ответить на это криминализацией мятежного движения (23), риторически сводя его мотивы к персональной корысти главарей (для Шмитта это основной маркер принадлежности криминальному (24)). В случае поддержки со стороны «заинтересованного третьего» меры по нейтрализации «мятежа» могут быть объявлены внешней регулярностью беспорядочно жестокими, и за границей политического в ее глазах окажется уже действующий порядок, реагирующий на внутренний вызов (25). Дж. Агамбен рассматривает *stasis*, гражданский конфликт как «политическую парадигму, единую

городу и знаменующую становление политическим неполитического (*oikos*) и неполитическим политического (*polis*)» [1. С. 31], порог неразличимости между семейным и гражданским. На фоне взаимной криминализации сторон гражданского конфликта, сопровождающейся политизацией криминальных средств насилия, имеет смысл предположить, что внутреннее столкновение регулярного и иррегулярного может быть рассмотрено и как ситуация неразличимости политического и криминального.

Возвращаясь к фигуре теллурического партизана, нужно отметить, что партизанское движение ассоциируется с инициативой местного населения, добровольным выбором вооруженной борьбы за родной край и кров. Однако партизанская борьба может также инициироваться и поощряться регулярно в собственных целях [38. С. 353]. Шульцке отмечает, что регулярность заинтересована в партизане как в «по-настоящему ожесточенном акторе» (бойце, способном применять неконвенциональные методы войны в столкновении с прямой экзистенциальной угрозой) и мифологизированной фигуре, способной мотивировать население [38. С. 353]. Абсолютная автономность партизана — составляющая мифологической конструкции [38. С. 348], поскольку в действительности партизан нуждается в перманентной ресурсной поддержке государственной регулярности, и в противном случае движение абсолютно нежизнеспособно даже в условиях высочайшей мотивации бойцов. В «Теории партизана» Шмитт называет «оружие и боеприпасы, деньги, материальную помощь и всякого рода медикаменты» [26. С. 116] как элементы ресурсной поддержки партизан со стороны третьей силы, и правительственное обеспечение едва ли решительно отличается от этого списка. Впрочем, современные реалии требуют включить в него разведывательную информацию. Таким образом, регулярность иницирует возникновение иррегулярной силы как эффективной, обладающей определенной степенью автономии боевой единицы, но одновременно стремится установить над ней контроль, управляя доступом к жизненно важным ресурсам.

Поощрение иррегулярности несет в себе значительные риски для регулярности, от которой исходит. Во-первых, воспеваемая в партизанском мифе способность населения к боевой самоорганизации в будущем может быть использована революционными силами [38. С. 353]. Во-вторых, партизан может поверить в свою автономию и начать действительно на нее претендовать, отказываясь от сугубо оборонительных функций в пользу самостоятельно определяемых задач. Пресечь подобное непросто, поскольку привычные механизмы регуляции неэффективны в отношении пребывающей вне государственного порядка иррегулярности. Перекрытие доступа к жизненно важным ресурсам — потенциально результативная мера, но только если иррегулярными силами не накоплен их значительный объем. В случае нелояльности регулярность разрывает связь с партизаном, отказывая ему в легитимности, и партизан лишается политического статуса, обретая криминальный харак-

тер [38. С. 356]. Интересно, что партизан, претендуя на автономность, способен ставить перед собой политические цели, стать источником требований к регулярности, которая воспринимает эту инициативу как нарушение спокойствия и угрозу порядку, особенно если партизан не торопится сложить оружие. Партизан сохраняет внутреннюю политическую вовлеченность, но криминализируется регулярностью — окраска «хамелеона» зависит от того, изнутри или снаружи дается оценка.

В условиях исчезновения экзистенциальной угрозы партизан должен либо интегрироваться в социально-правовой порядок (стать частью регулярности, перекодируя себя в соответствии с ее требованиями), либо исчезнуть в качестве военизированной силы. Любые попытки сохранения автономности будут расценены регулярностью как вызов, особенно на фоне роста политических амбиций партизана, разворачивающего свою политическую вовлеченность от защиты границ родины к ее внутренним проблемам (или же защита родины остается актуальной, но становится причиной разногласий с регулярностью). Подобный разворот воспринимается партизаном как продолжение борьбы на политическом фронте, но стоит ему разрыва с регулярностью, которая интерпретирует этот акт как переход в неполитическое и запускает механизмы уголовного преследования — вчерашний герой-защитник объявляется опасным преступником.

Воинская иррегулярность вчера и сегодня

Ниже мы рассмотрим три исторических кейса (один из учения Шмитта) криминально-политической амбивалентности иррегулярных формирований. «Фантомная» (26) фигура, обладающая изменчивым статусом, интересуется Шмитта уже на раннем этапе творчества — часть опубликованного в 1921 году трактата «Диктатура» посвящена имперскому генералиссимусу времен Тридцатилетней войны А. фон Валленштейну, пережившему стремительное возвышение и столь же резкое падение, закончившееся санкционированным убийством [23. С. 98–116]. Кейс Валленштейна невозможно рассматривать в категориях регулярности и иррегулярности в силу исторических причин — структурные изменения в государственной военной политике, приводящие к подобному различению, происходят позже, в связи с чем Шмитт отсчитывает историю партизанских движений с Наполеоновских войн. Тем не менее, судьба Валленштейна — яркий пример того, как тяготеющие к криминалу практики прямого грабежа обретают государственную легитимацию в рамках военных вызовов, а инициативы, в которых просматривается претензия на политическую самостоятельность, становятся основанием для криминализации.

Как военачальник Валленштейн руководствовался установкой «война сама себя кормит» и был «знаменит беспримерной жестокостью, которую применяли его армии, занимавшиеся поборами с населения для своего обе-

спечения» [10. С. 49]. Валленштейн достиг значительных успехов во главе войска Священной Римской империи, но по мере своего возвышения становился все более неудобной фигурой для княжеских элит — стоя во главе слишком многочисленной армии и имея слишком большие амбиции [10. с. 62]. Курфюршеская коллегия объявила императору, что Валленштейн «не считается с условиями и “держит под рукой” карательные военные средства» [23. С. 106], и Валленштейн был смещен с занимаемой позиции. Вскоре он был возвращен к командованию имперской армии и вновь получил от императора право «взимания контрибуций и конфискаций, которые в интересах ведения войны превосходили обычную меру» (Шмитт прослеживает здесь ассоциируемый с диктатурой чрезвычайный статус [23. С. 114]), т.е. второй генеральский срок Валленштейна, как и первый, был ознаменован практиками узаконенного криминала, привлекавшими наемников в ряды имперского войска.

На фоне недовольства императора действиями Валленштейна в 1632–1633 годы его позиции пошатнулись [10. С. 70]. Желая удержаться на посту, он «пошел на рискованный шаг, потребовав от генералов и высших офицеров своей армии клятвы на верность» [10. С. 72]. Эта акция была воспринята императорским двором как попытка мятежа, и предавший Валленштейна генерал Пикколимини получил государственный патент на его физическое устранение. Впоследствии императорский двор выпустил сообщение, в котором деятельность Валленштейна расценивалась как «вопиющее восстание против империи и имперской конституции, хотя никто иной как сам император и его двор способствовали этой деятельности, пока генералиссимус был им нужен» [10. С. 74]. Подлинной причиной расправы стало то, что амбициозный и свободолюбивый Валленштейн выполнил свою функцию как военачальник, но, обладая неподходящим происхождением (не был немцем) и репутацией главаря банды, оказался не нужен императору и его окружению «в качестве политика и немецкого князя» [10. С. 73].

Второй кейс более органично вписывается в концептуальную систему «Теории партизана», так как относится к истории XX столетия. Период действия британского мандата на Палестину (1920–1948) сопровождался активностью ряда подпольных еврейских организаций, использовавших диверсионные методы борьбы с британскими властями: «Хагана», «Иргун» и «ЛЕХИ» полностью соответствовали трем из четырех критериев, введенных Шмиттом в «Теории партизана», — иррегулярность, интенсивная политическая вовлеченность и повышенная мобильность. Теллурический аспект был характерен для сионистских боевых групп в контексте их дискурсивной самолегитимации: британскую администрацию они считали оккупантом (27) земли еврейского народа.

Подпольные еврейские организации прибегали к таким неконвенциональным методам вооруженной борьбы, как точечные убийства и подрывы зда-

ний. Например, организация «ЛЕХИ», также известная как «банда Штерна» (что указывает на криминальный имидж группы) ответственна за убийство британского министра по делам Ближнего Востока У. Мойна Гиннеса в соседнем Египте (де-факто управляемом англичанами). Ранее организация совершила неудачное покушение на Г. Макмайла — Верховного комиссара Палестины [28. С. 121]. Недостаток денежных средств на проведение операций «банда Штерна» пыталась восполнить при помощи серии ограблений банков [28. С. 117]. Создатель и первый лидер организации А. Штерн в 1942 году был застрелен британским полицейским. Важно отметить, что «ЛЕХИ» имела политическую программу (началась с сионизма-ревизионизма, но впоследствии сблизилась с национал-большевизмом) и искала заинтересованного третьего в лице СССР [32. С. 116–118, 133]. После объявления государственной независимости Израиля и образования его (регулярной) армии (далее — ЦАХАЛ) члены «ЛЕХИ» убили посланника ООН по мирным диалогам и урегулированию арабо-израильского конфликта Ф. Бернадота, что повлекло жесткую реакцию израильских властей: «“Шин-Бет” (“Шабак” — служба внутренней безопасности) во главе с И. Харелем арестовала членов группировки, избавив только возникшее государство от проблемы раскола специальных служб» [15. С. 11], и организация прекратила существование. Один из бывших лидеров «ЛЕХИ» И. Шамир сделал блестящую политическую карьеру, став министром иностранных дел, а затем премьер-министром Израиля.

При поддержке «Хаганы» организация «Иргун» осуществила, пожалуй, самый известный акт насилия против британской администрации времен мандата — взрыв в гостинице «Царь Давид» 22 июля 1946 года [40. С. 327]. «Иргун» вел партизанскую кампанию (*guerilla campaign*), в ходе которой члены организации закидывали здания бомбами, взрывали мосты, перекрывали дороги, совершали набеги на военные базы, крали оружие, а также убивали и ранили солдат и полицейских» [41. С. 100]. По данным ФБР, «Иргун» поддерживал связь с «Национальным преступным синдикатом», возглавляемым известным американским гангстером еврейского происхождения М. Лански [14. С. 83]. Высказывается предположение, что «представители “Иргун” вполне могли договориться о помощи и поставках оружия “Синдикатом”» [14. С. 83]. Несмотря на связь с преступным миром, организация не повторила судьбу «ЛЕХИ», а после провозглашения государства Израиль полноценно интегрировался в регулярные войска как «многофункциональная военная группировка специального назначения... подразделение ЦАХАЛ» [15. С. 11]. Один из организаторов взрыва в гостинице «Царь Давид» М. Бегин занимал пост премьер-министра Израиля с 1977 по 1983 годы.

История двух еврейских подпольных организаций подтверждает тезис Шмитта, что иррегулярные соединения должны либо исчезнуть, либо стать частью регулярных войск по итогам выполнения политической миссии, легитимизировавшей их временную иррегулярность.

Третий кейс — история известной российской иррегулярной силы наших дней — ЧВК «Вагнер», которая не является теллурическим партизаном, но отражает элементы той будущей партизанской борьбы, о которой писал Шмитт, отмечая возможное ослабление теллурической привязки партизана вследствие развития средств мобильности и освоения новых пространств для политических противостояний (28). Партизан XXI века, будучи субъектом глобальной мобильности, может быть описан при помощи категории «сухопутного корсара (приватира)», которой соответствует действующая на трех континентах ЧВК «Вагнер», чья иррегулярность не вызывает сомнений так же, как «мерцание» и гибкость границы между криминальным и политическим.

Свойственная иррегулярным соединениям эксплуатация криминальных методов решения боевых задач находит отражение в рекрутировании «криминальных талантов», заинтересованность в которых озвучил глава ЧВК Е. Пригожин; эта характеристика, как и внешнее по отношению к государственному порядку положение ЧВК, могут быть проиллюстрированы ее определением как «военизированной ОПГ» (29). Вместе с тем ЧВК пользовалась широкой ресурсной поддержкой государства (30) и обрела героизированный имидж, продвигавшийся федеральными СМИ в период специальной военной операции (31). Ситуация в корне изменилась летом 2023 года, когда становившийся все более публичной фигурой Пригожин начал критиковать военное руководство страны, записывая видеообращения с фронта (32), что усилило размежевание с государственной регулярностью. Ответом стало требование о переводе всех добровольческих формирований (включая ЧВК «Вагнер») на контракты с Министерством обороны (33) — иррегулярность группы была признана проблематичной и требующей скорейшего встраивания в регулярность. В ночь с 23 на 24 июня 2023 года Пригожин объявил о начале «марша справедливости», декларируемой целью которого стало привлечение к ответу лиц, ответственных за атаку на лагерь группы, и эти действия были ожидаемо квалифицированы властями как преступные: Президент В.В. Путин объяснил акцию «непомерными амбициями и личными интересами» командования ЧВК (34), а именно по этой линии, с точки зрения Шмитта, проходит грань между партизанством и криминалом — партизан движим политическими идеалами, а преступник — исключительно частными интересами [26. С. 27]. Репортажи федеральных СМИ ознаменовали отзыв риторической легитимности формирования — акцент делался на криминальном происхождении ЧВК (35).

Вопрос о дальнейшей судьбе группы остается открытым. По сообщениям СМИ, часть бойцов ЧВК заключила контракты с Министерством обороны (36), тем самым выполнив условие включения в регулярность (когда она более не нуждается в параллельной иррегулярной силе). Часть бойцов

ЧВК находились на территории Беларуси, где делились боевым опытом с белорусской армией (37), т.е. группа временно поддерживала существование за счет установления связи с новой регулярностью, что укладывается в логику Шмитта. После гибели Пригожина и командира формирования Д. Уткина часть бывших бойцов ЧВК перешла в состав спецназа «Ахмат» (38), и, вероятно, следует ожидать дальнейшую интеграцию «вагнеровцев» в подразделения Министерства обороны и Росгвардии. В любом случае ЧВК «Вагнер» более не существует как самостоятельное, пребывающее вне государственного порядка иррегулярное воинское соединение.

***

Карл Шмитт известен как «Гоббс XX века», и было бы странно, если бы в его учении не напомнила о себе знаменитая «Гоббсова проблема» — вопрос, как возможен социальный порядок. Многие построения Шмитта представляют собой экспликации или отголоски этого вопрошания, и «Теория партизана» — яркий пример подобной преемственности. Отсутствие формы и привычка нападать «из-за угла» образуют наблюдаемый уровень иррегулярности, реализующий более фундаментальную с точки зрения социальной онтологии характеристику партизана (любого бойца иррегулярного типа) — пребывание вне действующих социальных порядков, поддерживаемых легальными средствами. Партизан — фигура, несущая с собой естественное состояние — атмосферу перманентной экзистенциальной тревоги, на фоне которой враг должен потерять волю к борьбе. Подобный способ существования партизана — причина его криминально-политической амбивалентности, по-разному проявляющейся в его вооруженной борьбе.

Теллурический партизан препятствует установлению оккупационного порядка, стремясь посеять хаос и страх в рядах интервента. Политические мотивы автохтонного партизана целиком и полностью игнорируются оккупантом, видящим в нем лишь злостного нарушителя порядка, поэтому его обезвреживание или ликвидация — задача полицейских сил. Деятельность партизана приближает восстановление порядка, источником которого является ранее отступившая сторона, но как только порядок восстановлен, партизан моментально становится неуместной фигурой, чуждым новообразованием. Как справедливо отмечает А.Ф. Филиппов, проблема социального порядка не снимается решениями Гоббса, а постоянно реактуализируется в связи с латентными угрозами: «“Гоббсова проблема” теперь — это не появление общества из множества враждебных своекорыстных индивидов, но враждебность, своекорыстие, относительная непредсказуемость как характеристика поведения внутри отношения» [19. С. 162]. Сохранение воинской иррегулярности в условиях восстановившегося порядка означало бы создание очага не относительной, а непосредственной и вооруженной

непредсказуемости, что означает прямую угрозу фундаментальным основаниям социального порядка, в связи с чем иррегулярный боец должен либо полноценно интегрироваться в регулярные войска, либо исчезнуть в качестве боевой единицы. Партизан экзистенциально соотносит себя с судьбой родины, и может стать источником политических требований в отношении регулярности, если таковая идет на неприемлемые для него внешнеполитические компромиссы (или иные действия). Если партизан сопровождает свою политическую инициативу отказом от разоружения, то его ждет повторная криминализация со стороны того порядка, возвращение которого он приближал, рискуя жизнью.

Таким образом, легитимизируя и поддерживая партизанское движение, регулярность способна решить ряд важнейших оборонных задач в краткосрочной перспективе, но в долгосрочной перспективе подобная мера создает серьезные угрозы для стабильности социального порядка, поддерживаемого регулярностью. В этой конструкции автохтонный партизан балансирует между политическим и криминальным и способен неоднократно обретать тот или иной статус в зависимости от отношений с регулярностью. Вчерашний преступник (нарушитель порядка), использующий криминальные таланты в борьбе с оккупантом (нарушая устанавливаемый им порядок), может стать важным политическим символом, но не страхован от очередного падения в криминальное, если его действия начинают серьезно расходиться с интересами регулярности.

Полноценный гражданский конфликт (39) создает еще более выраженную неразличимость политического и криминального — партизанская борьба повстанца предполагает политизацию криминальных средств насилия (их подчинение политическим, публичным целям, связанным с установлением альтернативного социального порядка), в то время как действующий порядок игнорирует подобное целеполагание, борясь с мятежником, имеющим статус опасного преступника (40). Генезис повстанческого движения может быть связан с оккупационным или узурпирующим, с его точки зрения, характером действующих властей. К этому видению, в рамках которого политическое отчуждается в криминальном, может присоединиться и третья сторона (внешняя регулярность), если меры по борьбе с политической альтернативой признаются ею беспорядочно жестокими.

Описанные Шмиттом механизмы нашли отражение в ряде примеров, приведенных в статье, и, вероятно, найдут его еще не раз. Стоящий на страже социального порядка «смертный Бог» (41) порой остро нуждается в мобильном, безрассудном «демоном»-авантюристе в борьбе с себе подобными богами или их приспешниками. Тот, кто встал под его знамена, «будет послушен этому демону, ткущему нить его жизни» [б. С. 734], и эта преданность несет в себе возможность непростых испытаний для «смертного Бога», поскольку демонам свойственно метить на место богов.

Благодарности

Автор благодарит О.В. Кильдюшова за плодотворное обсуждение, сопровождавшее подготовку текста, и ценные рекомендации, позволившие уточнить основные положения работы.

Информация о финансировании.

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2022-326).

Примечания

- (1) Серия работ, относящихся к указанному контексту, объединена в сборник [35], также следует отметить исследование Гринберга [31]. Важное высказывание, развивающее шмиттовское осмысление тенденции к усилению и распространению взаимной криминализации субъектов международной политики делает Дж. Агамбен [2].
- (2) Обращаясь к контексту проблемы социального порядка («Гоббсовой»), автор опирается на комплекс работ О.В. Кильдюшова и А.Ф. Филиппова: [11; 12; 19; 20; 33].
- (3) Сформулированная американским социологом Т. Парсонсом «Гоббсова проблема» расшифровывается следующим образом: «“Как возможен социальный порядок” (если дано множество своекорыстных изолированных индивидов)?» [19. С. 156].
- (4) Партизан, описываемый Шмиттом, — теллурическая фигура, тесно связанная с родной землей и мобилизуемая в условиях сухопутной оккупации интервентом [26. С. 108–109; 9. С. 205]. В «Номосе Земли» Шмитт справедливо указывает, что этот институт все менее представлен в условиях современной войны, где возрастает роль воздушных средств [24. С. 473]. Оккупант приносит с собой новый порядок, становящийся главной мишенью партизана [26. С. 43–44, 46]. Авиационные бомбардировки и ударные БПЛА ничего подобного не производят, оставляя лишь разрушения.
- (5) Предмет рассмотрения Шмитта — не только автохтонный партизан, но и революционер-интернационалист [26. С. 115]. В целом он признает политический статус любой иррегулярности, борющейся «против иностранного завоевателя» или «за революционное дело» [26. С. 38].
- (6) Успех подобного начинания может быть рассмотрен в качестве проявления принципа, обобщающего пути генезиса и становления социального порядка: «Любой существующий социальный порядок, содержащий отношения власти и подчинения, всегда является результатом предшествующей латентной или открытой войны» [33. С. 143].
- (7) Не следует полагать, что, ставя себя вне социального порядка (и даже стремясь уничтожить его), иррегулярный боец становится фигурой, абсолютно чуждой порядку как таковому: «невозможно представить политическое сообщество или социальную группу, не имеющих никаких более или менее отчетливых структур порядка, даже если в качестве их цели заявляется их разрушение» [12. С. 126]. Партизан и бандит не являются исключениями из этого правила, например, деятельность криминальных группировок вписана в систему неформальных, но действенных правил (см., напр., недавно вышедший сериал «Слово пацана»). Присущий этим сообществам порядок является внешним и альтернативным по отношению к социальному порядку, поддерживаемому институтами государственной власти.
- (8) Цели подобной партизанской борьбы могут быть переданы при помощи директивы, адресованной ландштурму (исторически борющейся с внешним врагом иррегулярности): «Стремление врага восстановить общественный порядок также должно было беспрекословно пресекаться, поскольку установление им такого порядка облегчало бы ему ведение боевых действий» [9. С. 242]. Помимо сугубо военных перспектив эффективное поддержание покоя и порядка способно повысить лояльность местного населения в отношении оккупанта. Стремление пресечь подобное развитие событий (как катастрофическое для народа и государства) также может мотивировать партизанскую активность

- (9) Силы, заинтересованные в стабильности социального порядка, способны распознавать угрозы, сопровождающие поощрение партизанской активности. Так, во время франко-прусской войны «привилегированные слои прусского общества встретили публикацию эдикта (призывающего к созданию народного ополчения — ландштурма) достаточно неприязненно, увидев в нем угрозу династическим интересам, с одной стороны, и проповедь анархии и беззакония, с другой» [9. С. 242]. Такая «неприязнь», очевидно, сопряжена с заботой о сохранении социального порядка, бенефициарами которого были представители знати.
- (10) Обращаясь к теме гражданского конфликта, Шмитт отмечает, что «заинтересованный третий» (внешняя регулярность, оказывающая поддержку повстанцам), «может думать и действовать эгоистически» [26. С. 139]. Однако нельзя исключать, что в той же манере способна действовать и регулярность, поддерживающая партизанскую инициативу во время внешней агрессии. Подобный «эгоизм» может обернуться разными последствиями для партизана во время и по окончании боевых действий.
- (11) Данное замечание относится к автохтонному партизану, но и партизан-революционер может приписывать оккупационный статус политическому режиму.
- (12) «Нашу социальную жизнь уже не пронизывает — как это было прежде — принцип единства» [18. С. 74]. Подобный характер общественной жизни характерен для любых современных политических образований в мирное время и создает для них очевидные трудности на фоне военных угроз. В этом отношении партизанское движение представляет собой абсолютно альтернативный социально-политический феномен.
- (13) «Пока что партизан все еще означает часть реальной почвы; он является одним из последних постов земли как пока еще не полностью уничтоженной всемирно-исторической стихией» [26. С. 109].
- (14) Рассуждая о перспективах переноса партизанской борьбы в новые пространства, Шмитт даже допускает возникновение космопартизан [26. С. 124]. В другой работе он утверждает: «Новые пространства, откуда исходит зов, находятся на земле, а не в космосе. Тот, кому удастся поймать сорвавшуюся с привязи технику, скорее найдет ответ на зов современности, чем тот, кто средствами сорвавшейся с привязи техники попытается осуществить посадку на Луну или Марс» [31. С. 40; цит. по: 21. С. 134]. Таким образом, Шмитт признает значительный потенциал земных пространств, которые, будучи далекими от непосредственных границ сверхдержав, могут служить аренами соперничества связанных с ними регулярных и иррегулярных сил.
- (15) «Индустриально-технический прогресс вместе с пространственными структурами изменяет и порядки пространства» [26. С. 106]. Сегодня очевидно, что отмеченные Шмиттом тенденции воплотились в глобальной картине мира, на фоне которой соответствующие трансформации претерпела и фигура партизана.
- (16) Наиболее ярко данный тезис Шмитта может быть проиллюстрирован судьбой У. Рэли — английского мореплавателя и фаворита королевы Елизаветы I. Рэли принял участие в ряде крупных корсарских акций, в частности, в захвате и разграблении знаменитого португальского каррака «Madre de Deus» [7. С. 52]. Рэли чередовал морские авантюры с периодами заключения в Тауэре и закончил жизнь на виселице, будучи обвинен в пиратстве за атаку на испанский гарнизон в Венесуэле, которая была признана преступной королем Яковом I на фоне переговоров о браке его сына с испанской инфантой [13. С. 634].
- (17) «Партизан нуждается в легитимации, если он хочет держаться в сфере политического и не хочет скатиться в сферу криминального» [26. С. 127].
- (18) «С расчетом на далекое будущее иррегулярное должно легитимироваться по регулярному; а для этого у нерегулярного есть только две возможности: признание наличного регулярного или осуществление новой регулярности собственными силами» [26. С. 117].

- (19) «Стремление расшатать солидарность противника не только на фронте, но и в тылу — важнейшая часть военно-политической стратегии» [17. С. 37].
- (20) «В таком состоянии... есть вечный страх и постоянная опасность насильственной смерти, и жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна» [8. С. 96].
- (21) Данное рассуждение Шмитта соответствует духу знаменитого тезиса М. Бакунина «Дайте же нам довериться вечному духу, который только потому разрушает и уничтожает, что он есть неисчерпаемый и вечно созидающий источник всякой жизни. Страсть к разрушению есть вместе с тем творческая страсть!» [3. С. 73]. Данная параллель примечательна тем, что во многих работах Шмитта Бакунин выступает как «один из главных идейных антагонистов» [27. С. 8] немецкого мыслителя.
- (22) Шмитт эксплицитно подчеркивает уголовный, не-политический статус мятежника: «разбойники, пираты и мятежники — это не враги, не *justi hostes*, но объекты уголовного преследования и обезвреживания» [24. С. 187].
- (23) Цель вооруженной борьбы повстанца — не деструкция или сеяние хаоса ради самого хаоса. Инициированный им гражданский конфликт следует рассматривать как конкуренцию социальных порядков — действующего и проектируемого: «Когда мы говорим о гражданской войне, мы отнюдь не представляем себе полный распад социальных связей. Скорее нам представляются партии, движения, наконец, отдельные территории, которые противопоставляют себя целому или соревнуются в борьбе за целое, желая утвердить свое господство или преобладание в тех же границах» [17. С. 37]. Для государственного порядка в данном контексте действует лишь одно правило: «Тот, кто проявляет нелояльность государству, не подчиняется его законам, фактически выходит из договора» [17. С. 37]. Политические амбиции повстанца, его претензии на установление и поддержание альтернативного порядка игнорируются государством, воспринимающим революционера как чуждую, враждебную его политическому телу раковую клетку, борьба с которой ведется на уничтожение.
- (24) Партизана «необходимо отличать от обычного разбойника и злостного преступника, чьими мотивами является личное обогащение» [26. С. 27].
- (25) Криминализация действующей регулярности осуществляется и партизаном-повстанцем, что становится основанием его героизации: «революционное взрывное воздействие криминализации врага сказывается таким образом, что партизан становится подлинным героем войны» [26. С. 50]. Выступая в этой роли, партизан несет в себе черты другого важного героя шмиттовского учения — суверенного диктатора: «подобно тому, как последний легитимизирует свою деструктивную акцию, ссылаясь на будущую конституцию, первый осуществляет уголовное преследование, ориентируясь на порядок, который он только стремится установить» [4. С. 161].
- (26) Данная характеристика вдохновлена метафорическим описанием Регенбургского съезда: «Генералиссимус — словно фантом, нависший над зданием городской ратуши, где в главной зале в лучах заката вершилась его судьба и судьба всей Империи» [16. С. 18]. Неоднозначное положение Валленштейна по отношению к государственной системе стала причиной принципиальных расхождений в оценке его роли: он «позиционировался либо протагонистом, либо тайным разрушителем государственного конструкта» [16. С. 17–18].
- (27) В частности, организация «ЛЕХИ» использовала данный термин применительно к британским властям [32. С. 117].
- (28) Пример защиты геополитических интересов России вдали от государственных границ — активность ЧВК «Вагнер» на Ближнем Востоке: падение режима Б. Асада в Сирии угрожало существованию созданного в 1971 году 720-го пункта материально-технического обеспечения ВМФ РФ (ранее ВМФ СССР) в сирийском городе Тартус.

На этом фоне действия ЧВК в рамках сирийской кампании могут быть рассмотрены как оборонительные в контексте глобального характера современных геополитических противостояний.

- (29) «Нам нужны криминальные таланты. Я сам отсидел десятку, прежде чем стать героем России» // URL: https://dzen.ru/b/Y_OjyNrgpgj2bdhmP.
- (30) Путин назвал расходы бюджета на ЧВК «Вагнер» // URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/06/2023/649ad0de9a7947730bb9b3ba>.
- (31) Например, документальный фильм «Уроки музыки», показанный на Первом канале 30 апреля 2023 года, заканчивается высказыванием: «Мы своими глазами увидели, как слаженно работает “оркестр”. Как все звучит, стреляет и летает. Было непросто и даже страшно, когда едва не наступили на лепестки и молились, чтобы все обошлось. И все же самое сильное чувство, которое мы пережили, — это восторг от ребят, их настоящей мужской работы, их смелости и благородства». В фильме отмечается тактическое преимущество, мобильность и профессионализм бойцов ЧВК, подчеркивается, что «они решили встать на защиту своей родины».
- (32) Интервью с Е. Пригожиным // URL: <https://t.me/superdolgov/9446>.
- (33) Шойгу подписал приказ о деятельности добровольческих организаций // URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/06/10/979696-shoigu-podpisal-prikaz>.
- (34) Обращение к гражданам России // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71496>.
- (35) В программе «60 минут» на канале «Россия 1», вышедшей 5 июля 2023 года, ЧВК «Вагнер» была названа «парамилитарной структурой», было отмечено, что значительную часть группы составляли «осужденные по тяжким статьям рецидивисты», не имевшие права находиться на фронте // URL: clck.ru/35HNSf. В этой же телепрограмме были освещены обыски в офисах и личном «дворце» Е. Пригожина, особый акцент был сделан на найденных поддельных паспортах, неучтенных наличных средствах и единицах стрелкового оружия, а также париках (как средстве маскировки) — атрибутах криминальной жизни.
- (36) В Госдуме назвали число «вагнеровцев», заключивших контракт с Минобороны // URL: <https://www.gazeta.ru/army/news/2023/07/19/20906786.shtml>.
- (37) Бойцы ЧВК «Вагнер» стали военными инструкторами в Белоруссии // URL: <https://www.gazeta.ru/army/news/2023/07/14/20874002.shtml?updated>.
- (38) Кадыров: 170 бойцов ЧВК «Вагнер» перешли в «Ахмат» // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6310261?ysclid=lr6e4agjgz665625726>.
- (39) Несмотря на то, что, следуя логике «Теории партизана», мы рассматриваем возможное напряжение между автохтонным партизаном и покровительствующей ему регулярностью и полноценную революционную ситуацию как самостоятельные кейсы, они могут стать двумя фазами одного процесса: «Внешняя война как бы всасывается во внутренний порядок и, если не вдохновляет, не служит мобилизации, то подтачивает государство, разрушает его, передает ему свою природу. Ткань социальности не трещит по швам, а буквально истлевает» [17. С. 38]. В условиях конфликта между иррегулярными силами и их покровителем возможен стремительный перенос опыта внешней войны во внутренний порядок.
- (40) Уместным представляется следующее высказывание Дж. Агамбена: «Теперь, когда главы государств с таким усердием принялись за криминализацию своих врагов, они не осознают, что эта криминализация может в любой момент обратиться против них самих» [2. С. 109]. Данный тезис относится к внешней вражде, но его логика применима и к вражде внутренней.
- (41) «Таково рождение того великого Левиафана или, вернее (выражаясь более почтительно), того смертного Бога, которому мы под владичеством бессмертного Бога обязаны своим миром и своей защитой» [8. С. 133].

Библиографический список

1. Агамбен Д. Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. Homo Sacer, II, 2. СПб., 2021.
2. Агамбен Д. Суверенная полиция // Агамбен Д. Средства без цели. Заметки о политике. М., 2015.
3. Бакунин М.А. Реакция в Германии (Очерк француза) // Бакунин М.А. Избранные труды. М., 2010.
4. Бродский В.И. Война во время любви: размышление над статьей С.И. Каспэ в свете различения частной и публичной вражды в учении Карла Шмитта // Социологическое обозрение. 2023. Т. 22. № 3.
5. Бродский В.И. Жизнь, смерть и политическое: экзистенциальные основания учений Томаса Гоббса и Карла Шмитта // Социология власти. 2022. Т. 34. № 3–4.
6. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
7. Гаврилов С.Н. Справедливая война руками частника: «Приватизация» военных действий на море в Англии в 1585–1603 гг // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 3.
8. Гоббс Т. Левиафан // Гоббс Т. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1991.
9. Дмитриев Т.А. Теория партизана вчера и сегодня // Шмитт К. Теория партизана. М., 2007.
10. Ивонин Ю.Е. Альбрехт Валленштейн // Вопросы истории. 2003. № 1.
11. Кильдюшов О.В. Война и социальный порядок: *ultima ratio* или *conditio humana*? (Гоббс–Клаузевиц–Шмитт–Фуко) // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2016. Т. 80. № 1.
12. Кильдюшов О.В. Проблема социального порядка (Гоббсова проблема): к эвристике и прагматике конститутивного вопроса современной теории общества // Социологическое обозрение. 2016. № 3.
13. Копелев Д.Н. Раздел океана в XVI–XVIII веках: истоки и эволюция пиратства. СПб., 2013.
14. Левин Я.А. Влияние деколонизации на деятельность федерального бюро расследований // Вестник БГУ. 2019. Т. 39. № 1.
15. Манин Я.В., Климашина А.Е. Государственная безопасность Израиля: международный и национальный правовые аспекты // Национальная безопасность/Nota Bene. 2023. № 2.
16. Прокопьев А.Ю., Муненко В.В., Перепечкин К.В. Валленштейн, корона и съезд в Регенсбурге 1630 г // Sciences of Europe. 2016. Т. 3. № 9.
17. Филиппов А.Ф. Долгое ненастье. К философии гражданской войны // Вестник Европы. 2022. Т. 59.
18. Филиппов А.Ф. Критика Левиафана // Шмитт К. Левиафан в учении Томаса Гоббса. Смысл и фиаско одного политического символа. СПб., 2006.
19. Филиппов А.Ф. Политическая социология. Фундаментальные проблемы и основные понятия (часть 1) // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2002. № 1.
20. Филиппов А.Ф. Политическая социология. Фундаментальные проблемы и основные понятия (часть 2) // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2002. № 2.
21. Филиппов А.Ф. Политическая эзотерика и политическая техника в концепции Карла Шмитта // Политические исследования. 2006. № 3.
22. Шикель И., Шмитт К. Беседа о партизанах // Шмитт К. Теория партизана. М., 2007.
23. Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб., 2005.
24. Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum Europaeum*. СПб., 2008.
25. Шмитт К. Понятия политического. СПб., 2016.
26. Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание по поводу понятия политического // Шмитт К. Теория партизана М., 2007.

27. Ярков А.В. Политическая теология: генезис концепта // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2022. Т. 16. № 2.
28. Brenner Y.S. The ‘Stern Gang’ 1940–1948. Kedouri S., Haim S.G. (Eds.). Palestine and Israel in the 19th and 20th Centuries. L.–N.Y., 2013.
29. Filippov A.F., Kildyushov O. Political theology and international justice // Russian Sociological Review. 2023. Vol. 22. No. 4.
30. Gasché R. The partisan and the philosopher // New Centennial Review. 2004. Vol. 4. No. 3.
31. Greenberg U.E. Criminalization: Carl Schmitt and Walter Benjamin’s concept of criminal politics // Journal of European Studies. 2009. Vol. 39. No. 4.
32. Heller J. The Stern Gang: Ideology, Politics and Terror, 1940–1949. L.–N.Y., 2012.
33. Kildyushov O. 10 theses on war and social order: Preliminary arguments on the constitutive functions of armed conflict // Russian Sociological Review. 2015. Vol. 14. No. 4.
34. Kochi T. The partisan: Carl Schmitt and terrorism // Law and Critique. 2006. Vol. 17. No. 3.
35. Odysseos L., Petite F. (Eds.). The International Political Thought of Carl Schmitt: Terror, Liberal War and the Crisis of Global Order. L.–N.Y., 2007.
36. Read A. Pirates and privateers in Elizabethan England // White S. (Ed.). The Laws of Yesterday’s Wars. Leiden–Boston, 2021.
37. Schmitt C. Die planetarische Spannung zwischen Ost und West und der Gegensatz von Land und Meer (1959). Brussel, 1991.
38. Schulzke M. Carl Schmitt and the mythological dimensions of partisan war // Journal of International Political Theory. 2016. Vol. 12. No. 3.
39. Slomp G. The theory of the partisan: Carl Schmitt’s neglected legacy // History of Political Thought. 2005. Vol. 26. No. 3.
40. Yahel I. The ability to unite: The Jewish resistance movement in Mandatory Palestine // Israel Affairs. 2018. Vol. 24. No. 2.
41. Zadka S. Propaganda and guerilla: The case of the Jewish armed struggle against the British in Palestine // Revue européenne des études hébraïques. 1996. No. 1.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-308-334

EDN: OFWXRV

Military irregularity and the problem of social order in the light of Carl Schmitt’s *Theory of the Partisan*: Between the political and the criminal*

V.I. Brodskiy

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571, Russia

Moscow School of Social and Economic Sciences,
Gazetny Per., 3–5, 1, Moscow, 125009, Russia

(e-mail: brodskiy-vi@ranepa.ru)

Abstract. The last decades have been marked by an increasingly widespread presence of irregular warfare in both international and internal conflicts. The most sought-after theoretical framework for understanding the nature and activities of irregular formations

---

*© V.I. Brodskiy, 2024

The article was submitted on 17.12.2023. The article was accepted on 25.04.2024.

remains Carl Schmitt's *Theory of the Partisan* published in 1963. The article reconsiders Schmitt's criteria of partisanship and presents irregular warfare as a social phenomenon outside the social order maintained by the state, which potentially threatens the state despite their initial convergence of interests. The criminalization of the irregular combatant, carried out by the occupying force of the international conflict, might be continued by his subsequent criminalization by the social order which he had previously helped to restore. Although the *Theory of the Partisan* implies such an explanation, it does not fully develop it. The author identifies a reverse relationship between the internal politicization of irregular formations and their external criminalization: the occupant disregards the partisan's political motives, focusing on the criminal methods of armed struggle and considering the partisan as merely a flagrant disturber of order to be neutralized by police operations. On the other hand, the yesterday's hero can be declared a criminal by the regularity that previously provided him with support, if he converts the high intensity of his political commitment into demands to the regularity. Although such initiatives might be considered as a continuation of the political struggle by the partisan, they can be interpreted as a direct threat to social order by the state, which leads to criminal prosecution. Thus, the encouragement of irregular warfare is an effective means of combating external aggression in the short term, but in the long term it becomes dangerous as threatening social order. The author makes a conclusion about the indistinguishability of the political and the criminal under the full-fledged civil conflict due to the mutual criminalization of its participants and to the politicization of their criminal means of violence, providing some historical examples to show various manifestations of the criminal-political ambivalence of irregular formations.

Key words: Carl Schmitt; Theory of the Partisan; partisan; corsair; the political; the criminal; social order

Funding

The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-326).

References

1. Agamben G. *Stasis. Grajdanskaya vojna kak politicheskaya paradigma*. Homo Sacer, II, 2 [Stasis. Civil War as a Political Paradigm. Homo Sacer, II, 2]. Saint Peterburg; 2021. (In Russ.).
2. Agamben G. Suverennaya politsiya [The sovereign police]. Agamben G. *Sredstva bez tseli. Zamyetki o politike*. Moscow; 2015. (In Russ.).
3. Bakunin M.A. Reaktsiya v Germanii (Ocherk frantsuza) [Reaction in Germany (An essay by one French)]. Bakunin M.A. *Izbranniye proizvedeniya*. Moscow; 2010. (In Russ.).
4. Brodskiy V.I. Voyna vo vremya lyubvi: rassuzhdenie nad statyoy S.I. Kaspe v svete razlicheniya chastnoy i publichnoy vraydi v uchenii Carla Schmitta [War in the time of love: Reflection on the article by S.I. Kaspe in the light of the distinction between private and public enmity in the teaching of Carl Schmitt]. *Russian Sociological Review*. 2023; 23 (3). (In Russ.).
5. Brodskiy V.I. Jizn, smert i politicheskoe: ekzistentsialnye osnovaniya ucheniy Thomasa Hobbesa i Carla Schmitta [Life, death, and the political: Existential foundations of Thomas Hobbes's and Carl Schmitt's teachings]. *Sociology of Power*. 2022; 23 (3–4). (In Russ.).
6. Weber M. Nauka kak prizvanie i kak professiya [Science as a vocation]. Weber M. *Izbranniye proizvedeniya*. Moscow; 1990. (In Russ.).
7. Garlivov S.N. Spavedlivaya vojna rukami chastnika: "Privatizatsiya" voennih deystviy na more v Anglii v 1585–1603 gg. [Rightful war by the hands of the private owner: "Privatization" of naval actions in England in 1585–1603]. *Gumanitarnye i Yuridicheskie Issledovaniya*. 2013; 3. (In Russ.).
8. Hobbes T. Leviathan. Hobbes T. *Sochineniya*. Vol. 2. Moscow; 1991. (In Russ.).
9. Dmitriev T.A. Teoriya partizana vchera i segodnya [Theory of the Partisan yesterday and today]. Schmitt C. *Teoriya partizana*. Moscow; 2007. (In Russ.).

10. Ivonin Yu.E. Albrecht Vallenstein. *Voprosy Istorii*. 2003; 1. (In Russ.).
11. Kildyushov O.V. Vojna i tsocialny poryadok: *ultima ratio* ili *conditio humana*? (Hobbes–Clausewitz–Schmitt–Foucault) [War and social order: *ultima ratio* or *conditio humana*? (Hobbes–Clausewitz–Schmitt–Foucault)]. *Politeia*. 2016; 80 (1). (In Russ.).
12. Kildyushov O.V. Problema sotsialnogo poryadka (Hobbesova problema): k evristike i pragmatike konstitutivnogo voprosa sovremennoj teorii obshchestva [The problem of social order (Hobbesian problem): Towards the heuristics and pragmatics of the constitutive question of the contemporary social theory]. *Russian Sociological Review*. 2016; 15 (3). (In Russ.).
13. Kopelev D.N. *Razdel okeana v XVI–XVIII vekah: istoki i evolyutsiya piratstva* [Division of the Ocean in the 16th — 18th Centuries: Origins and Evolution of the Piracy]. Saint Petersburg; 2013. (In Russ.).
14. Levin Ya.A. Vliyanie dekolonizatsii na deyatelnost federalnogo byuro rassledovaniy [The influence of decolonization on the activities of the FBI]. *Vestnik BGU*. 2019; 39 (1). (In Russ.).
15. Manin Ya.V., Klimashina A.E. Gosudarstvennaya bezopasnost Izrailya: mezhdunarodny i natsionalny pravovye aspekty [Security of the state of Israel: International and national legal aspects]. *Natsionalnaya Bezopasnost/Nota Bene*. 2023; 2. (In Russ.).
16. Prokopiev A.Yu., Munenko V.V., Perepechkin K.V. Wallenstein, korona i syezd v Regensburge 1630 g. [Wallenstein, the crown, and congress in Regensburg in 1630]. *Sciences of Europe*. 2016; 3 (9). (In Russ.).
17. Filippov A.F. Dolgoe nenastie. K filosofii grazhdanskoj vojny [The long storm. On the philosophy of civil war]. *Vestnik Evropy*. 2022; 59. (In Russ.).
18. Filippov A.F. Kritika Leviathana [Critique of the Leviathan]. Schmitt K. *Leviathan v uchenii Thomasa Hobbesa. Smysl i fiasco odnogo politicheskogo simbola*. Saint-Petersburg; 2006. (In Russ.).
19. Filippov A.F. Politicheskaya sotsiologiya. Fundamentalnye problemy i osnovnye ponyatiya (chast 1) [Political sociology. Fundamental issues and basic concepts (part 1)]. *Politeia*. 2002; 1. (In Russ.).
20. Filippov A.F. Politicheskaya sotsiologiya. Fundamentalnye problemy i osnovnye ponyatiya (chast 2) [Political sociology. Fundamental issues and basic concepts (part 2)]. *Politeia*. 2002; 2. (In Russ.).
21. Filippov A.F. Politicheskaya ezoterika i politicheskaya tekhnika v kontseptsii Carla Schmitta [Political esotericism and political technology in Carl Schmitt's theory]. *Polis. Political Studies*. 2006; 3. (In Russ.).
22. Shikel I., Schmitt C. Beseda o partizane [The dialogue about the partisan]. Schmitt C. *Teoriya partizana*. Moscow; 2007. (In Russ.).
23. Schmitt C. *Diktatura: ot istokov sovremennoj idei suvereniteta do proletarskoj klassovoj borby* [Dictatorship: From the Origin of the Modern Concept of Sovereignty to the Proletarian Class Struggle]. Saint Petersburg; 2005. (In Russ.).
24. Schmitt C. *Nomos Zemli v prave narodov Jus Publicum Europaeum* [The Nomos of the Earth in the International Law of the Jus Publicum Europaeum]. Saint-Petersburg; 2008. (In Russ.).
25. Schmitt C. *Ponjatie politicheskogo* [The Concept of the Political]. Saint Petersburg; 2016. (In Russ.).
26. Schmitt C. Teoriya partizana. Promezhutochnoe zamechanie po povodu ponyatiya politicheskogo [Theory of the partisan. An intermediate commentary on the concept of the political]. *Teoriya partizana*. Moscow; 2007. (In Russ.).
27. Yarkeev A.V. Politicheskaya teologiya: genezis kontsepta [Political theology: Genesis of the concept]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Seriya: Politologiya*. 2022; 16 (2). (In Russ.).
28. Brenner Y.S. The ‘Stern Gang’ 1940–1948. Kedouri S., Haim S.G. (Eds.). *Palestine and Israel in the 19th and 20th centuries*. London–New York; 2013.
29. Filippov A.F., Kildyushov O. Political theology and international justice. *Russian Sociological Review*. 2023; 22 (4).
30. Gasché R. The partisan and the philosopher. *New Centennial Review*. 2004; 4 (3).

31. Greenberg U.E. Criminalization: Carl Schmitt and Walter Benjamin's concept of criminal politics. *Journal of European Studies*. 2009; 39 (4).
32. Heller J. *The Stern Gang: Ideology, Politics and Terror, 1940–1949*. London–New York; 2012.
33. Kildyushov O. 10 theses on war and social order: Preliminary arguments on the constitutive functions of the armed conflict. *Russian Sociological Review*. 2015; 14 (4).
34. Kochi T. The partisan: Carl Schmitt and terrorism. *Law and Critique*. 2006; 17 (3).
35. Odysseos L., Petitto F. (Eds.). *The International Political Thought of Carl Schmitt: Terror, Liberal War and the Crisis of Global Order*. London–New York; 2007.
36. Read A. Pirates and privateers in Elizabethan England. White S. (Ed.). *The Laws of Yesterday's Wars*. Leiden–Boston; 2021.
37. Schmitt C. *Die planetarische Spannung zwischen Ost und West und der Gegensatz von Land und Meer (1959)*. Brussel; 1991.
38. Schulzke M. Carl Schmitt and the mythological dimensions of partisan war. *Journal of International Political Theory*. 2016; 12 (3).
39. Slomp G. The theory of the partisan: Carl Schmitt's neglected legacy. *History of Political Thought*. 2005; 26 (3).
40. Yahel I. The ability to unite: The Jewish resistance movement in Mandatory Palestine. *Israel Affairs*. 2018; 24 (2).
41. Zadka S. Propaganda and guerilla: The case of the Jewish armed struggle against the British in Palestine. *Revue européenne des études hébraïques*. 1996; (1).